

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 944-951. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.944
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Psychological Factors in Suicides Among the Indigenous People of the Arctic Zone of Western Siberia in the XVII – XIX centuries (Based on Materials from the Regional Archives)

Evgeny A. Naumenko ^{a, *}

^aYugra State University, Russian Federation

Abstract

The authors of the article analyze the attempts of missionaries to overcome suicidality among the indigenous peoples of the North through the implementation of two different religious and economic models: "Orthodox" and "Muslim." While Christian influence was spreading through the missionary work of the Russian Orthodox Church in the Arctic regions, Muslim influence, coming from Siberian Tatars, was hidden. Both groups of missionaries have faced certain cultural peculiarities of northern peoples where suicide was not a sin, moreover, in some situations – was even the preferred behavior. In both missionary models, it was assumed that conversion to the new faith would introduce a taboo on suicide among indigenous peoples. However, Christianization did not solve the problem, but partially caused an increase in suicidality. The authors analyze historical sources taking into account the opinions of the peoples of the North themselves and come to the conclusion that one of the reasons for suicides is the syncretic nature of beliefs that developed in the conditions of Christianization. Orthodox beliefs were not yet deep enough to perceive suicide as a sin, but they changed the lives of indigenous peoples, partially severing them from their natural habitat and creating a set of socio-economic problems. Thus, the "Orthodox" model of suicide prevention did not lead to success. The "Muslim" model, having more ancient roots in the region, was based on norms shared with indigenous peoples: the Siberian Tatars also had idols and elements of shamanism. The encounter took place during the common opposition to Christian missionary work. As a result, some groups of Northern peoples have completely converted to Islam. In contrast to Orthodoxy, this transition was not superficial, which ensured the rejection of suicides.

Keywords: suicide, indigenous peoples, Christianity, Orthodoxy, Islam, Arctic, Yugra, missionary work.

1. Введение

Повышенная суицидальность народов Севера – одна из актуальнейших проблем, пока не решенная ни в одном, даже самом благополучном государстве мира. Суициды носят не просто ситуативный, а системный характер, причем их количество таково, что влияет на уровень смертности в регионах проживания в целом (Тарская и др., 2009: 62). В условиях Западной Сибири первыми эту проблему заметили религиозные миссионеры. Как ислам, так и христианство запрещают суицидальное поведение, поэтому народы Севера, принимая новую для себя веру, должны были отказаться от ряда прежних представлений о смерти. Однако это получалось далеко не всегда, и эффективность миссионерской политики отличалась в разных группах коренного населения.

Суициды преследовали носителей традиционных культур независимо от их материального положения, социального статуса и семейного благополучия, что подчеркивает отсутствие прямой связи самоубийств с факторами исключительно финансового или личного характера. Поиск причин этого явления вывел ученых на гипотезу о связи суицидов народов Севера с их интуитивным

* Corresponding author

E-mail addresses: hea2004@mail.ru (E.A. Naumenko)

восприятием мира (Sumarokov et al., 2015: 224) и, следовательно, на особенности этнической психологии. Изучение исторического ракурса проблемы поможет верифицировать высказанную гипотезу и, соответственно, скорректировать механизмы воздействия на традиционные культуры с целью предотвращения самоубийств.

Цель статьи – на основе архивных документов проанализировать психологические факторы суицидального поведения коренных народов Севера в XVII–XIX вв. на территории Арктической зоны Западной Сибири.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования включает две группы.

1) Архивные материалы. К ним относятся материалы Государственного архива Тюменской области, включая его подразделение в г. Тобольске. В комплексе эти материалы можно разделить на три подгруппы: а) путевые журналы и отчетность Обдорской миссии (Обдорск – современный Салехард) с описанием жизни остяков, вогулов и самоедов¹; б) метрические книги православных церквей и мечетей, содержащие данные о смертности/суицидальности коренного населения; в) письменные документы (прошения, объяснения) народов Севера с описанием причин и фактов их гибели. Сложность работы с архивными материалами состоит в том, что священники и чиновники скрывали уровень суицидов в среде коренных народов, т.к. при обнародовании реальной картины становилась очевидной неэффективность миссионерской политики.

2) Этнографические материалы, включающие две группы. Первая – этнографические данные XVII–XVIII вв. об особенностях жизнедеятельности народов Севера, что можно интерпретировать как благоприятные для суицидов факторы, а также информация о случаях самоубийств. Вторая группа – полевые материалы, собранные автором в среде обских угров в 2019 г.: описание случаев суицидальных попыток, обстоятельств их совершения, частота повторяемости в конкретных семьях, роль шаманских практик «отведения (предотвращения) смерти», а также причины суицидов с точки зрения носителей северных культур. Обе группы этнографических источников не противоречат друг другу – в целом это дает возможность использования полевых материалов для изучения прошлого.

Среди методов исследования использованы: 1) метод *актуализации*, позволивший спроецировать современную картину суицидов у народов Севера на процессы, происходившие в XVII–XIX вв.: несмотря на изменение социально-экономических условий, культурно-психологические доминанты, связанные с суицидами, сохранились до наших дней; 2) *сравнительно-исторический метод*: сопоставление данных о суицидальности в двух исследуемых группах – исламизированных и христианизированных народах Севера – позволит выяснить механизмы и степень воздействия мировых религий на предотвращение самоубийств в Арктической зоне в рассматриваемый период.

В качестве методологии исследования используется теория фронта Ф. Тернера с точки зрения Дж. Ронды, который на примере североамериканских индейцев пришел к выводу, что эффективность миссионерства в схожих племенах может разительно отличаться из-за незаметных пришлому населению особенностей традиционных культур, поэтому для объективной оценки миссий нужно глубоко изучить религиозные представления аборигенов и посмотреть на ситуацию с их точки зрения (Ronda, 1977). Этот взгляд позволил понять степень и направленность культурного конфликта в процессе исламизации и христианизации народов Севера и, соответственно, определить причины разной эффективности этих миссий в процессе предотвращения суицидов.

3. Обсуждение

Рассматриваемая тема в предложенном ракурсе пока не обсуждалась; сравнение эффективности мусульманской и христианской миссий в предотвращении суицидов народов Севера не проводилось. Опубликованные работы касаются суицидальности финно-угорских народов в целом и характеризуют современное состояние проблемы: собрана статистика, выявлены причины, обозначены и приняты профилактические меры (Петренко, 2015 и др.). Ряд исследователей обратил внимание на роль эмоциональности народов Севера в их поведенческих практиках и восприятии мира (Молданова, 2006; Tkachev et al., 2018 и др.). Исторический ракурс проблемы показан исключительно в русле этнографических материалов об отношении к смерти (Семенова, 2017 и др.), а также т.н. «исторического горя» – стресса от насильственной христианизации и ассимиляции (Herne et al., 2014); ученые также справедливо указывают на сохранение представлений о суициде как норме (Положий, 2002 и др.). Однако в настоящее время становится очевидным, что при объяснении самоубийств апеллировать исключительно к этим представлениям является поверхностным взглядом. На повестку дня вышел вопрос, не провоцируют ли суицидальность сами меры по борьбе с суицидами, создавая у народов Севера внутренний психологический конфликт? В этом ракурсе научных работ пока нет, а выполненное историческое исследование дает начало научной дискуссии.

¹ Остяки – ханты, вогулы – манси, самоеды – ненцы.

4. Результаты

На протяжении нескольких веков коренные народы Севера, проживавшие на территории современного Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов, находились под разнонаправленным миссионерским воздействием. Если история ислама в регионе имеет древние корни, уходящие в XIV в., то православие активизировалось после похода Ермака. Духовные лица находились в составе русских переселенцев уже на рубеже XVI–XVII вв.; в 1621 г. был назначен первый архиепископ Сибирский и Тобольский Киприан и миссионерская деятельность получила импульс на государственном уровне (Харина, 2015: 106). Когда священники столкнулись с практикой самоубийств, эффективность религиозного воздействия означала не просто «спасение душ», но и сохранение жизней.

У коренных народов Севера сформировались особые представления о смерти, которые психологически смягчали как собственную попытку суицида, так и потерю близких. В разных культурах Севера присутствует общая идея: физическая смерть не означает окончательную смерть – она лишь является переходом, который обеспечивает лучшую «жизнь» в привычной среде, но без обременения земными проблемами. Считается, что умерший плывет по теплой реке туда, где нет ледяной пустыни, где все цветет и греет, а душа, оторвавшись от тела, «отдыхает» там до возвращения в свою семью и т.д. (Волдина, 2009: 228; ПМА, 2019 и др.). В культурах народов Севера суициды не только не считались грехом, а наоборот, при некоторых жизненных обстоятельствах были предпочтительным поведением. Арктика диктовала свои правила выживания, поэтому анализ архивных источников позволяет выявить несколько стандартных психологических ситуаций, которые провоцировали самоубийства.

Первая ситуация – это опасение остаться без шансов на выживание в условиях арктической зимы. В докладах миссионеров Обдорской миссии описаны страдания священников из-за снега, холода и ветра, когда им приходилось объезжать юрты аборигенов или плыть к ним по Карскому морю (ГАТО в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 26. Д. 707). Народы Севера жили так постоянно, ежедневно рискуя жизнью. Священник Н. Герасимов в 1872 г. отмечал: «Иностранцы все на рыбалке, мы их не дождались. Рыболовные места надымцев в дальних расстояниях от их кочевий, поэтому они отлучаются на 1,5 суток, а в случае непогоды их не бывает по несколько суток» (ГАТО в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 26. Д. 707. Л. 122). В случае непогоды возвращались не все по причине случайной гибели или вынужденных суицидов. Н. Витсен в конце XVII в. оставил свидетельство: «Если охотника застигнет сильный мороз и пурга, так как в этих местах на Оби иногда невероятно сильные морозы и снегопады, тогда они часто в отчаянии снимают свой кафтан, бросаются ногами в глубокий снег и замерзают, как бы добровольно. Они обнажаются, чтобы скорее, без долгих мучений, покончить с жизнью» (Витсен, 1692).

Косвенным подтверждением такого поведения являются статистические данные о смертности крещеных остяков. В частности, в метрической книге по Березовскому уезду (включая Обдорск) за 1770 г. пик смертности пришелся на февраль – 13 чел., в то время как в остальные месяцы – до 3 чел.; основная часть умерших находилась в возрасте 22–38 лет и представляла мужскую часть населения (ГАТО в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 4. Л. 5). Февраль – это зимнее время с низкими температурами, осложненное сильными арктическими ветрами и быстрыми изменениями погоды; в охотничьих календарях народов Севера февраль фигурирует как время начала охоты (Вртанесян, 2014). Следовательно, это самое опасное для мужчин-остяков время, когда объективно возрастала их смертность, и свидетельство Н. Витзена вполне объясняет мотивы возможных суицидов.

Вторая психологическая ситуация, влекущая самоубийства, – потеря близких, вследствие чего родственники принимают решение «уйти» вслед за умершими. Периодически обские угры испытывали эпидемии черной оспы, холеры, чумы и других заболеваний. В 1855 г. в условиях очередной эпидемии священник зафиксировал смертные случаи в семье крещеных остяков Мугульковых (Обдорская церковь). Ситуация развивалась в течение одного дня – 10 марта. Сначала от «горячки» умерла девочка 3-х лет Ирина Мугулькова, после чего покончили жизнь самоубийством «от удущения» ее родители Иван 29 лет и Ирина 28 лет (ГАТО в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 97. Л. 489). Через несколько дней в этой же семье ситуация повторилась: 15 марта у вдовы Марфы Афонасьевны Мугульковой умер младенец Георгий, на следующий день, 16 марта – сын Михаил 17 лет и дочь Елена 8 лет, а 17 марта – сын Иосиф 14 лет. Как следствие – суицид матери (ГАТО в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 97. Л. 489). В рассматриваемом году в районе Обдорска уровень смертности остяков от эпидемии и суицидов по сравнению с русским населением показан в Таблице 1. Списки умерших поименные, поэтому погрешность минимальная; 34 умерших остяков из 41 находились в трудоспособном возрасте от 14 до 50 лет (ГАТО в г. Тобольске. Ф. 704. Оп. 1. Д. 56. Л. 547-552об.).

Таблица 1. Духовная роспись Березовского ведомства Обдорской Петропавловской церкви за 1855 г. (чел.)

Категории населения	Всего	Родилось	Умерло	Доля умерших за год
Духовные лица	19	1	1	1/19
Казаки	24	0	2	1/12
Купцы	17	0	2	1/17
Мещане	120	4	8	1/15
Крестьяне	20	1	2	1/10
Ясашные остяки	118	1	41	около 1/3

Высокая смертность подтверждается и свидетельствами современников. Священник Евфимий Пономарев, приехав в Параватские юрты в 1863 г., удивился, что «при проверке духовной росписи умерших оказалось много», в то время как родилось всего 5 младенцев (ГАТО в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 25. Д. 127. Л. 403-404). Получалось, что в середине XIX в. коренные народы Севера, находившиеся в непосредственной юрисдикции своих церквей, в годы эпидемий вымирали с катастрофической скоростью.

Архивные материалы не позволяют точно определить масштаб суицидальности народов Севера, т.к. священники не всегда отражали это в отчетах. В документах иногда отсутствуют причины смерти, а отпевания проводились в двух случаях: если в местах поселения стояла православная церковь и работал священник; если представитель миссии, передвигаясь по тундре за своей кочующей паствой, случайно заставал смерть прихожанина. В качестве исключения документы Обдорской миссии зафиксировали случай, когда священник Евфимий Пономарев в 1863 г. в Параватских юртах отпел всех умерших за год «заочно», но не смог указать их точное число (ГАТО в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 25. Д. 127. Л. 403).

Потеря близких как психологический фактор суицида также прослеживается при анализе социальных норм, касающихся престарелых членов рода. В частности, в хантыйском языке есть понятие *толумты*, в смысловой интерпретации означающее «старческий маразм, до которого нельзя доживать, надо жизнь прекращать раньше». Предполагается: если человек умер в состоянии *толумты*, то в течение года он заберет с собой более молодого родственника (ПМА, 2019). Со слов информантов, «это правило реально действует», и они сами не хотели бы дожить до такого состояния, поэтому нужно «что-то придумать, чтобы умереть раньше».

Это явление связано с третьим психологическим фактором – опасением престарелых членов рода стать дополнительной материальной нагрузкой на семью. В процессе миссионерства XVII–XVIII вв. выяснилось, что самоубийства стариков регулировали численность рода, т.к. недостаток пропитания означал гибель всех. Народы Севера полностью зависели от природы и погодно-климатических условий, поэтому богатство рыбных ресурсов Оби и местной фауны зачастую снижалось природными катаклизмами, и род начинал голодать. Такой период отразился в фольклорном стихе казымских хантов «Хулыен шэкъу хэлум ол, дантыен шэкъу хэлум ол», означающий «Три года беды, без рыбы» (ПМА, 2019). Кроме этого случая, в 1640-х гг. (в течение нескольких лет подряд) был невозможен рыбный промысел из-за «большой воды» (наводнения), при этом погибла часть оленей, исчезли некоторые звери. В результате, по описанию самих пострадавших, «...многие обдорские остяки с женами и детьми с голоду померли, а иные, наша братья, остяки, жены и дети свои для голоду продавали в работу» (Обдорский, 2004: 25-26).

У самоедов Арктики представления были более категоричными. По информации Витзена в конце XVII в., «...у этого народа отвратительный обычай: они часто убивают своих стариков и людей, изнуренных трудом, потому что они более не способны работать и не могут ходить и грести. Либо они их бросают в воду и топят, либо сворачивают им шею, как мне рассказал один русский кормчий, Родион Иванов, который это сам видел дважды около устья Оби. Это делают дети со своими родителями» (Витзен, 1692). Кроме этого, Витзен утверждает о наличии фактов каннибализма у самоедов, когда они съедали своих родителей и детей (Витзен, 1692).

В этих условиях самоубийства стариков рассматривались как норма, но далеко не все престарелые ее придерживались. Принятие православия (или ислама) снимало с них ответственность за последствия *толумты*, а также за материальную нагрузку на семью, и таковых было немало. В частности, в метрических книгах Обдорской и Назымской волостей Березовского уезда Тобольской губернии зафиксирован возраст умерших: все они записаны как «новокрещенные остяки». У народов Севера не было понятия «возраст», т.к. время жизни фиксировалось по многочисленным стадиям взросления и умирания, но отраженные в метрических книгах даже приблизительные «лета» являются убедительным фактом, что в середине XVIII в. у остяков принятие православия перед смертью не было редким явлением (Таблица 2) (ГАТО в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 2. Л. 27-100). Кроме снятия социальной ответственности за *толумты*, переход в православие решал проблему реинкарнации: душа навсегда уходила в рай, больше не возвращаясь к жизни в Арктике.

Таблица 2. Возрастной состав «новокрещеных остяков», по данным церковных метрических книг Обдорской и Назымской волостей

Год	Умершие в возрасте старше 50 лет		Умершие в возрасте 20–50 лет		Умершие в возрасте младше 20	
	Общее число (чел.)	Возраст умерших (лет)	Общее число (чел.)	Возраст умерших (лет)	Общее число (чел.)	Возраст умерших (лет)
1749	9	60, 60, 63, 65, 65, 66, 76, 82, 83	-	-	1	4
1750	10	52, 54, 60, 60, 60, 63, 70, 70, 70, 73	1	27	6	1, 3, 14, 15, 16, 19
1752	8	56, 65, 70, 72, 73, 76, 78, 80	3	20, 25, 50	1	14
1753	8	53, 55, 55, 58, 65, 67, 70, 77	1	40	1	6

К концу XVIII в. священники могли давать уже более точные данные о возрасте остяков, крещенных десятилетия назад. Стало очевидно, что престарелых в возрасте 70–80 лет в реальности очень мало. По исповедным росписям Обдорской церкви за 1795 г. старшим членам поселений (юрт) исполнилось: Шуганские юрты – 59 лет (муж.) и 56 лет (жен.), Сгличиковы юрты – 41 год и 56 лет соответственно, Рятчиковы юрты – 54 и 35, Разбойниковы юрты – 51 и 61, Обчаякины юрты – 57 и 61, Вайкуловы юрты – 63 и 37 и т.д. (ГАТО в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 27. Л. 18-27). Небольшой возраст старшего поколения можно связать, кроме иных факторов, с суицидами стариков: даже в обрывочных архивных данных встречаются высокие цифры. В частности, метрическая книга Обдорской церкви за 1846 г. в разделе «умершие» в январе и феврале зафиксировала 6 смертей, 3 из которых относились к мещанам, а 3 – к остякам 60, 66 и 74 лет. Все остяки повесились, т.е. смертность от суицидов в этот период составила 100 % (ГАТО в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 84. Л. 24 об.). Умершие не являлись «новокрещеными», т.е. принятие православия ими было обусловлено не духовным выбором перед смертью, а иными факторами.

Проблемой суицидов народов Севера были обеспокоены не только православные миссионеры, но и мусульманские (сибирские татары). В результате в Арктической зоне Западной Сибири сложилось две модели предотвращения самоубийств: «христианская» и «мусульманская». Они были близки по содержанию (суициды объявлялись грехом; оказывалась материальная поддержка новообращенным), но отличались по механизмам и условиям реализации, что привело к различным результатам.

«Христианская модель» функционировала открыто и предполагала сохранение этнической культуры народов Севера и их традиционных занятий; это исходило из политики Российского государства – пополнение казны драгоценной пушниной. Власть понимала, что при изменении образа жизни остяков, вогулов и самоедов объем пушнины сократится. Церковь сосредоточилась на материальной и духовной (психологической) помощи народам Севера: первоначально брала на себя содержание и образование мальчиков для их дальнейшей работы священниками, разрешала хантыйским девочкам из бедных семей жить и питаться при монастырях, особенно в условиях голода, и т.д.; позднее эта практика стала распространяться и на взрослое население. На Ямале построили несколько монастырей; самый влиятельный из них – мужской Свято-Троицкий монастырь – был основан в середине XVII в. на территории бывшего остякского княжества Конда (позднее – Кондинск), где также проживали вогулы и самоеды. По данным Г.Ф. Миллера, в I половине XVIII в. вокруг монастыря находилось 15 дворов бобылей из крещеных остяков, а при монастыре жило 13 остякских мальчиков (Обдорский, 2004: 282); по сведениям П.А. Абрамова, в 1849 г. в монастырях Березовского края проживал 71 остякский мальчик и только 34 русских (Обдорский, 2004: 287).

При реализации «христианской модели» снижение числа суицидов могло произойти при условии, что новообращенные действительно станут православными, отказавшись от мифологического мировоззрения и прежних представлений о смерти. Однако при сохранении прежней хозяйственной деятельности это оказалось невозможным для всего рода; более того, в условиях христианизации появился новый фактор, провоцировавший суициды. Полевые материалы автора, полученные при беседе с казымскими хантами, выявили у них сложный культурно-психологический комплекс представлений и эмоций: «Самоубийства происходят, когда люди находятся одновременно в двух мирах – хантыйском и русском. Эти миры полярные и несопоставимые, они ненавидят друг друга и раздирают людей изнутри» (ПМА, 2019). Если учитывать этот фактор, то христианизация народов Севера не только не сняла проблему самоубийств,

а обострила ее, т.к. поставила новообращенных в условия, при которых им приходилось существовать в двух культурных пространствах, не совместимых психологически. В этих условиях меры материальной и психологической поддержки со стороны православной церкви изначально представляются малоэффективными.

«Мусульманская модель» носила скрытый характер, не зависела от государственных экономических интересов и оказалась более радикальной, сопровождаясь не просто исламизацией народов Севера, а их активной тюркизацией («отатарчиванием»). Эта модель основывалась на многочисленных совпадающих с обско-угорской культурой норм: наличие кукол-идолов и других норм шаманизма, сходство экономических представлений и семейных отношений, адаптированность к природно-климатическим условиям и т.д. (Naumenko et al., 2016). Однако прежние мусульманские миссионерские форпосты, созданные среди народов Севера, были заняты христианами (пример – Конда), а в условиях православной государственности татары не могли действовать открыто. Сохранять этническую идентификацию исламизируемых народов было бессмысленно и опасно: мусульманское миссионерство в России запрещалось и влекло уголовное наказание. Поэтому в процессе «отатарчивания» род занятий народов Севера менялся, ханты и манси переходили к земледелию и постепенно сливались с сибирскими татарами (Naumenko et al., 2019).

Последние исламизированные обские угры приняли этноним «заболотные татары» (Адаев, 2012). У них изменилось мифологическое мировоззрение и отношение к смерти: анализ метрических книг мечетей на этой территории не содержит случаев суицида вообще (ГАТО. Ф. И-255. Оп. 6. Д. 3, 12, 23, 36, 45, 54, 61, 72). Полевые материалы зафиксировали у них более низкий, чем у хантов, уровень суицидальности и в настоящее время. Если у хантов он остается высоким (пример: из пяти мальчиков-друзей подросткового возраста на сегодняшний в живых осталось только двое, а трое погибли в результате самоубийства) (ПМА, 2019), то среди исламизированных «заболотных татар» полевые исследования автора подобных случаев не зафиксировали.

5. Заключение

Результаты реализации двух моделей религиозного миссионерства в Арктической зоне Западной Сибири выявили наличие серьезной проблемы: меры по предотвращению суицидов могут провоцировать самоубийства, т.к. идет воздействие на глубинные механизмы психики, незаметные для государственной власти. Эффективными оказались радикальные меры, связанные с изменением мифологического мировоззрения и образа жизни народов Севера, но это повлекло их полную ассимиляцию. Поэтому для преодоления суицидальности народов Севера необходимо найти баланс в подходах, способах, методах и финансовых затратах, планируемых для решения проблемы.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Проект 20-013-00423 «Статусные значения интуитивности в суицидальной зависимости личности в условиях Арктического региона».

Литература

Адаев, 2012 – Адаев В.Н. Последние угры Заболотья: информация XVIII–XX вв. / Сулеймановские чтения (пятнадцатые). Всероссийская научно-практическая конференция «Социально-демографическое и культурное состояние сибирских татар». Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2012. С. 71.

Витзен, 2019 – Витзен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. [Электронный ресурс]. URL: <http://zz-project.ru/n-vitsen-severnaya-i-vostochnaya-tartariya/923-o-narodakh-ostyakakh-ili-o-zemle-ostyakii> (дата обращения: 10.11.2018).

Волдина, 2009 – Волдина Т.В. Представления о реинкарнации в традиционной культуре казымских ханты // Языки и культуры финно-угорских народов в условиях глобализации: Материалы IV Всероссийской конференции финно-угроведов. Ханты-Мансийск, 2009. С. 226-229.

Вртанесян, 2014 – Вртанесян Г.С. Средневековые кольцевые календари Урала и Сибири // Вестник угроведения. 2014. № 2 (17). С. 96-108.

ГАТО – Государственный архив Тюменской области.

ГАТО в г. Тобольске – Государственный архив Тюменской области в г. Тобольске.

Молданова, 2006 – Молданова Т.А. Сновидения в культуре хантов // Этнографическое обозрение. 2006. № 6. С. 38-47.

Обдорский, 2004 – Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сборник документов. Екатеринбург: «Тезис», 2004. 200 с.

Петренко, 2015 – Петренко Д.С. Бич алкоголизма и эпидемия суицидов у коренных малочисленных народов Севера: стратегия противостояния // Актуальные проблемы социально-гуманитарных знаний. М., 2015. С. 33-37.

Положий, 2002 – Положий Б.С. Суициды в контексте этнокультурной психиатрии // Психиатрия и психофармакотерапия. 2002. № 6. С. 245-247.

ПМА, 2019 – Полевые материалы автора, 2019. Информант Молданова Татьяна Александровна, г. Ханты-Мансийск.

Семенова, 2017 – Семенова Н.Б. Современные стратегии профилактики суицида у коренных народов: обзор зарубежной литературы // *Суцидология*. 2017. Т. 8. № 2 (27). С. 3-19.

Тарская и др., 2009 – Тарская Л.А., Гоголев А.И., Ельчинова Г.И., Егорова А.Г., Лимборская С.А. Этническая геномика якутов (народа саха): генетические особенности и популяционная история. М.: Наука, 2009. 271 с.

Харина, 2016 – Харина Н.С. Начало христианизации коренных народов Обского севера // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2016. Т. 8. № 6–1. С. 105-110.

Naumenko et al., 2016 – Naumenko O.N., Naumenko E.A., Bortnikova Ju.A. Multiculturalism of Tatar-Christians in Western Siberia as a result of confessional policy in the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2016. No 41. Vol. 3. Pp. 594-599.

Naumenko et al., 2019 – Naumenko O.N., Bortnikova Ju.A., Naumenko E.E. The currency of the Russian empire in the culture of the Yugra indigenous peoples: practical aspects of colonialism and reflections on multiculturalism // *Social Evolution and History*. 2019. Vol. 18. Vol. 1. Pp. 157-179.

Ronda, 1977 – Ronda J. P. «We Are Well as We Are»: An Indian Critique of Seventeenth-Century Christian Missions // *WMQ*. 1977. Vol. 34. No. 1. Pp. 66-82.

Sumarokov et al., 2015 – Sumarokov Y.A., Brenn T., Kudryavtsev A.V., Nilssen O. Variations in suicide method and in suicide occurrence by season and day of the week in Russia and the Nenets Autonomous okrug, Northwestern Russia: a retrospective population-based mortality study // *BMC Psychiatry*. 2015. Vol. 15. P. 224.

Tkachev et al., 2018 – Tkachev B., Fedulov I., Moldanova T., Tkacheva T. Everyday Ethnocultural Adaptation of Newly Arrived and Indigenous Populations in Yugra / SHS Web of Conferences. 2018. 50: 01184. [Electronic resource]. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2018/11/shsconf_cildiah2018_01184.pdf (date of access: 10.11.2018).

Herne et al., 2014 – Herne M.A., Bartholomew M.L., Weahkee R.L. Suicide mortality among American Indians and Alaska Natives, 1999–2009 // *Am. J. Public Health*. 2014. Vol. 104. Pp. 36-42.

References

Adaev, 2012 – Adaev V.N. (2012). Poslednie ugry Zabolot'ya: informaciya XVIII – XX vv. [The Last Ugrians of Zaboloty: XVIII – XX centuries]. Sulejmanovskie chteniya (pyatnadczaty`e). Vserossijskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Social'no-demograficheskoe i kul'turnoe sostoyanie sibirskix tatar». Tyumen': Izd-vo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Pp. 7-13. [in Russian]

GATO – Gosudarstvennyi arkhiv Tyumenskoj oblasti [The state archive of the Tyumen region].

GATO in Tobolsk – Gosudarstvennyi arkhiv Tyumenskoj oblasti v g. Tobol'ske [The state archive of the Tyumen region in Tobolsk].

Herne et al., 2014 – Herne M.A., Bartholomew M.L., Weahkee R.L. (2014). Suicide mortality among American Indians and Alaska Natives, 1999–2009. *Am. J. Public Health*. Vol. 104. Pp. 36-42.

Moldanova, 2006 – Moldanova T.A. (2006). Snovideniya v kul'ture khantov [The Dreams in the culture of the Khanty]. *Etnograficheskoe obozrenie*. No 6. Pp. 38-47. [in Russian]

Naumenko et al., 2016 – Naumenko O.N., Naumenko E.A., Bortnikova Ju.A. (2016). Multiculturalism of Tatar-Christians in Western Siberia as a result of confessional policy in the Russian Empire. *Bylye Gody*. Vol 41. Is. 3. Pp. 594-599.

Naumenko et al., 2019 – Naumenko O.N., Bortnikova Ju.A., Naumenko E.E. (2019). The currency of the Russian empire in the culture of the Yugra indigenous peoples: practical aspects of colonialism and reflections on multiculturalism. *Social Evolution and History*. Vol. 18. No. 1. Pp. 157-179.

Obdorskij, 2004 – Obdorskij kraj i Mangazeya v XVII veke. Sbornik dokumentov. [Obdorsky edge and Mangazeya in XVII century. Collection of documents]. Ekaterinburg: «Tezis», 2004. 200 p. [in Russian]

Petrenko, 2015 – Petrenko D.S. (2015). Bich alkogolizma i epidemiya suitsidov u korennykh malochislennykh narodov Severa: strategiya protivostoyaniya [The scourge of alcoholism and the suicide epidemic among indigenous small-numbered peoples of the North: a strategy of confrontation]. Aktual'nye problemy sotsial'no-gumanitarnykh znaniy. M. Pp. 33-37. [in Russian]

PMA, 2019 – Polevye materialy avtora, 2019. Informant Moldanova Tat'yana Aleksandrovna, g. Khanty-Mansiisk [Field materials, 2019. The informant Moldanova Tatiana, the city of Khanty-Mansiysk].

Polozhij, 2002 – Polozhij B.S. (2002). Suitsidy v kontekste etnokul'turnoi psixiatrii [Suicides in the context of ethno-cultural psychiatry]. *Psixiatriya i psixofarmakoterapiya*. № 6. Pp. 245-247. [in Russian]

Ronda 1977 – Ronda J. P. (1977). «We Are Well as We Are»: An Indian Critique of Seventeenth-Century Christian Missions. *WMQ*. Vol. 34. No. 1. Pp. 66-82.

Semenova, 2017 – Semenova N.B. (2017). Sovremennye strategii profilaktiki suitsida u korennykh narodov: obzor zarubezhnoi literatury [Modern strategies for preventing suicide in indigenous peoples: review of foreign literature]. *Suicidologiya*. Vol. 8. No 2 (27). Pp. 3-19. [in Russian]

Sumarokov et al., 2015 – Sumarokov Y.A., Brenn T., Kudryavtsev A.V., Nilssen O. (2015). Variations in suicide method and in suicide occurrence by season and day of the week in Russia and the Nenets

Autonomous okrug, Northwestern Russia: a retrospective population-based mortality study. *BMC Psychiatry*. Vol. 15. P. 224.

Tarskaya i dr., 2009 – *Tarskaya L.A., Gogolev A.I., El'chinova G.I., Egorova A.G., Limborskaya S.A.* (2009). E`tnicheskaya genomika yakutov (naroda saxa): geneticheskie osobennosti i populyacionnaya istoriya [Ethnic genomics of the Yakuts (Sakha people): genetic features and population history] M.: Nauka. 271 p. [in Russian]

Tkachev et al., 2018 – *Tkachev B., Fedulov I., Moldanova T., Tkacheva T.* (2018). Everyday Ethnocultural Adaptation of Newly Arrived and Indigenous Populations in Yugra. *SHS Web of Conferences*. 50: 01184. [Electronic resource]. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2018/11/shsconf_cildiah2018_01184.pdf (date of access: 10.11.2018).

Vitzen, 2019 – *Vitzen N.* (2019). Severnaya i Vostochnaya Tartariya, vklyuchayushhaya oblasti, raspolozhennyye v severnoj i vostochnoj chastyax Evropy i Azii [Northern and Eastern Tartary, including areas located in the Northern and Eastern parts of Europe and Asia]. [Electronic resource]. URL: <http://zz-project.ru/n-vitsen-severnaya-i-vostochnaya-tartariya/923-o-narodakh-ostyakakh-ili-o-zemle-ostyakii> (date of access: 11.11.2018). [in Russian]

Voldina, 2009 – *Voldina T.V.* (2009). Predstavleniya o reinkarnacii v tradicionnoj kul'ture kazymckix xanty [Representations of reincarnation in the traditional culture of the Khanty-kazimskys]. *Yazyki i kul'tury finno-ugorskix narodov v usloviyax globalizacii: Materialy IV Vserossijskoj konferencii finno-ugrovedov*. Khanty-Mansiysk. Pp. 226-229. [in Russian]

Vrtanesyan, 2014 – *Vrtanesyan G.S.* (2014). Srednevekovye kol'tsevye kalendari Urala i Sibiri [Medieval ring calendars of the Urals and Siberia]. *Vestnik ugrovedeniya*. No 2 (17). Pp. 96-108. [in Russian]

Xarina, 2016 – *Xarina N.S.* (2016). Nachalo khristianizatsii korennykh narodov Obskogo severa [The Beginning of Christianization of the indigenous peoples of the Ob North] *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'*. Vol. 8. No 6–1. Pp. 105-110. [in Russian]

Психологические факторы суицидов в среде коренного населения Арктической зоны Западной Сибири в XVII–XIX вв. (по материалам региональных архивов)

Евгений Александрович Науменко ^{a, *}

^a Югорский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются попытки миссионеров преодолеть суицидальность в среде коренных народов Севера через реализацию двух разных религиозно-экономических моделей: «православной» и «мусульманской». Христианское влияние осуществлялось путем миссий Русской православной церкви в регионы Арктики, а мусульманское имело скрытый характер и шло от сибирских татар. Обе группы миссионеров столкнулись с особенностями культуры народов Севера, в которой самоубийство не является грехом, а в некоторых случаях – даже предпочтительным поведением. При реализации обеих миссионерских моделей предполагалось, что переход в новую веру введет табу на суициды у коренных народов. Однако христианизация не решила проблему и частично вызвала рост суицидальности. Авторы анализируют исторические источники с учетом мнения самих народов Севера и приходят к выводу, что одна из причин суицидов – синкретичный характер верований, сложившийся в условиях христианизации. Православные верования еще не были настолько глубоки, чтобы воспринимать суицид как грех, но они изменили жизнь коренных народов, частично оторвав их от естественной среды обитания и создав комплекс социально-экономических проблем. Таким образом, «православная» модель предотвращения самоубийств не привела к успеху. «Мусульманская» модель, имея в регионе более древние корни, была основана на общих с коренными народами нормах: у сибирских татар тоже существовали идолы и элементы шаманизма. Сближение происходило на фоне общего противодействия христианскому миссионерству. В результате некоторые группы народов Севера полностью перешли в ислам. В отличие от православия, этот переход не был поверхностным, что обеспечило отказ от суицидов.

Ключевые слова: суицид, коренные народы, христианство, православие, ислам, Арктика, Югра, миссионерство.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: hea2004@mail.ru (Е.А. Науменко)